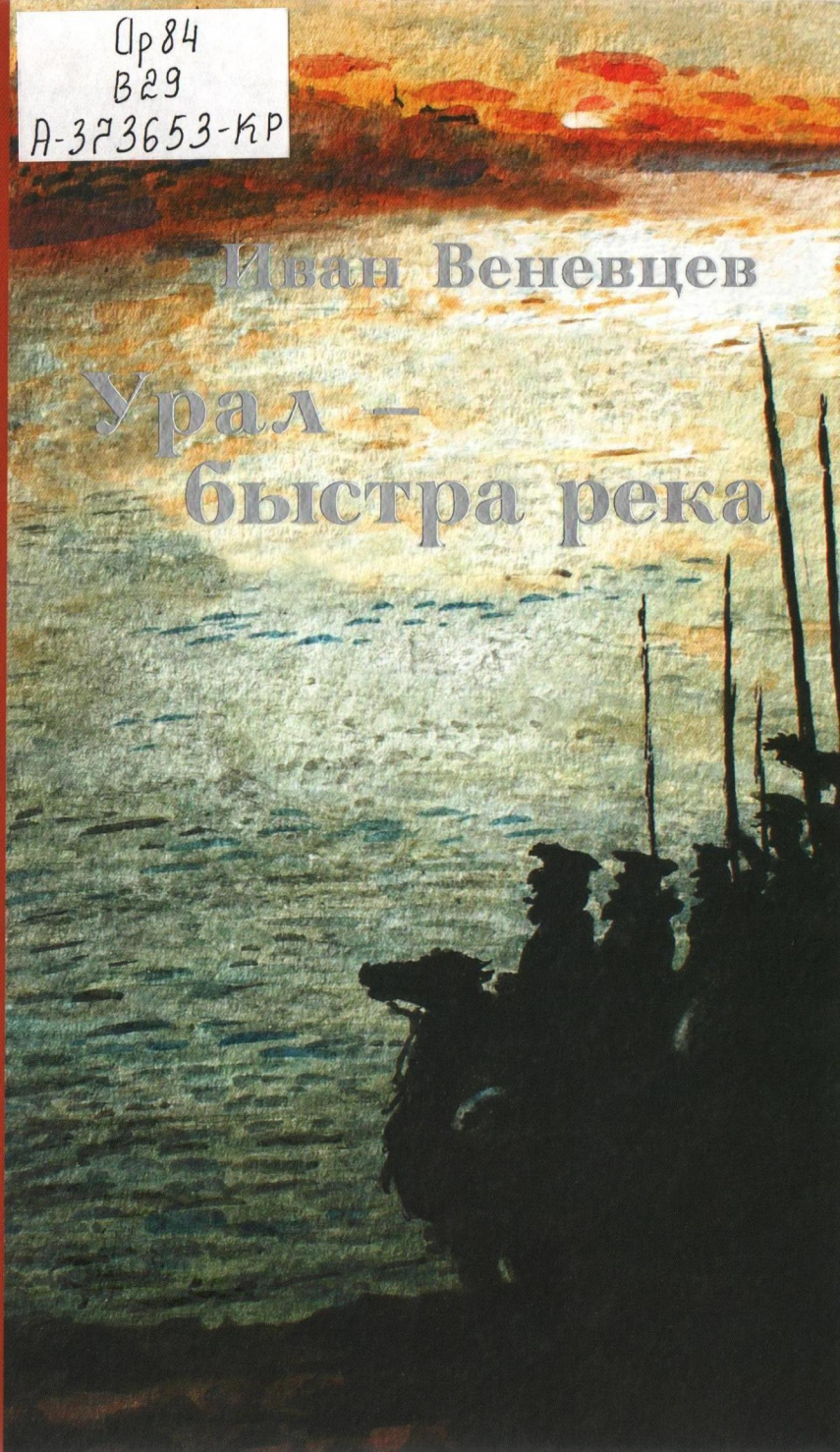

Op 84
B29
A-373653-KP

Иван Вeneвцев

Урал — быстра река

Иван Веневцев

ор 84
В. 29
ор 84

84(2-НН.2)6-4
+ ор 84.5

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Урал – быстра река

Роман

а-373653

✓
Оренбург
2019

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

кр

Казачий роман-реквием Ивана Веневцева

Этот роман (авторское название «Михаил Веренцов») о «неизвестной» во многом Гражданской войне на землях Оренбургского казачьего войска идёт к читателю около семи десятилетий. Судьба его рукописи, созданной за колючей проволокой Карлага, напоминает судьбу самого казачества, обречённого на физическое и духовное уничтожение как народный уклад и образ жизни, как народная вселенная.

Через семь десятилетий после Великого по народным страданиям Октябрьского переворота мы начали эпически вглядываться в кромешную тьму братоубийственной катастрофы. Свою правду о ней в нашей стране говорили лишь победители, хотя подлинные победители в гражданских войнах чаще всего остаются за непроницаемым занавесом истории.

После завершения Гражданской войны в России лукавые или безбожно-простодушные идеологи победившей стороны начали канонизацию, освящение классового видения её хода и её итогов. Всё, что отходило от канонов, попадало в разряд «антисоветчины» или «политически незрелого». Только гению Шолохова удалось – и это можно назвать чудом – показать невозможную по тем временам трагическую правду личности и истории.

Недостаточно было уничтожить противника как боевую силу, надо было на протяжении десятков лет добывать память о нём исторической полуправдой, которая хуже всякой лжи.

«Добрая слава лежит, а худая бежит», – говорят в народе. Всею мощью своего идеологического аппарата государство помогало распространяться худой славе белого движения, неизбежной в глобальном противостоянии, оставляя «лежать» в спецхранах чистоту помыслов и жертвенность белых патриотов.

Можно только предположить, что испытывали при этом оставшиеся в живых представители оболганных поколений. Обжёгшие их события на землях Оренбургского казачьего войска по своим масштабам и напряжению, военным и политическим последствиям были ничуть не меньше событий на Дону. Единственное, что могло примирить их с жестоким временем, это правда о них самих, воздающая по заслугам каждому – как отпущение грехов, заслуженных и незаслуженных. Оскорблённость массивированной ложью, ответственность перед павшими братьями – вот что могло подвигнуть участника братоубийственной войны, каким был старший урядник Иван Степанович Веневцев, на отчаянный труд: создание романа-свидетельства, романа-хроники о пережитой трагедии.

Всякой письменной истории предшествует история устная. Народ творит фольклор, давая времени свою, единственно верную оценку. Если устные рассказы очевидца или участника поразивших его событий талантливы, а содержание его «бывальщин» отвечает общественным запросам, тогда рассказанное становится фактом общественного сознания, а многократно проверенные на слушателях рассказы о пережитом складываются в главки и главы народного романа. Здесь должны вспомниться традиции русского летописания, которое всегда было не от честолюбивого умения, а от гражданской боли. *«Мёртвый ничего не скажет, а за него спросится».*

У Ивана Веневцева был острый глаз и большое сердце. Не приходится говорить о его относительно

счастливейшей звезде – не убили его ни пуля, ни штык в Гражданской, ни революционный, скорый суд победителей, ни «чёрные дыры» тюрем и лагерей. И если служители неволи не создавали ему особых условий для писательской работы, то – и это тоже чудо – не мешали заниматься делом, лагерным режимом не предусмотренным. Об этом с благодарностью (жестоко было бы гадать, насколько она искренна) вспоминает автор романа, перечисляя поимённо невольных помощников.

Так и скажешь: *многим фрезилось, а одному сбилось*. У Ивана Веневцева, автора единственной книги, был не только личный опыт «посетившего мир в его минуты роковые», его неотступно понуждал трагический опыт поколения, по сути, целиком взятого молохом двух мировых и Гражданской войн. Он писал языком и жизненными представлениями этого поколения, на котором насильственно оборвалась связь времён.

Что же за произведение создал в столь неподходящих условиях родовой казак, дуговец, советский бухгалтер и заключённый Иван Веневцев? Его автобиографический роман – это история детства, отрочества и юности казачьего сына Михаила Веренцова, которому уготовано было появиться на свет накануне кровавого, полыхающего апокалиптическими огнями столетия. На юности главного героя – багровые отсветы братоубийственной бойни, прямым участником и жертвой которой он оказался.

Оренбургский казак Иван Степанович Веневцев родился в посёлке Благословенском станицы Оренбургской (современное село Благословенка Оренбургского района Оренбургской области) в 1896 году, месяц и день рождения пока неизвестны. Отец его – Степан Антонович Веневцев девять лет служил атаманом посёлка. В отличие от старшего брата Василия (в романе – Дмитрий), Иван Веневцев не успел поступить

в юнкерское училище, как мечталось, хотя и напряжён-но готовился к экзаменам, помешала Гражданская война. Выбор Ивана – нравственный и сословный – прямо зависел от выбора по-юношески любимого им старшего брата. Как и Василий, Иван вступил в войско атамана Дутова, прошёл с ним крестные муки Голодного похода.

После разгрома белой армии старшего урядника Ивана Веневцева осудили на два года тюрьмы. Этот свой первый срок отсидел он в г. Новониколаевске (с 1925 г. – Новосибирск) и в 1921 году вернулся домой, в сожжённую и разорённую станицу. Следуя жизненной канве, событиями этого времени заканчивается (а начинается кануном Первой мировой войны) автобиографический роман.

Но для автора романа крестный путь продолжился. Вот некоторые «узлы» его жизни. 1926 год. Курсы бухгалтеров в Оренбурге. Работа по специальности в первом ауле совхоза «Караванный». 1929-й – очередной смутный год: коллективизация. Чудом избежал нового ареста: ОГПУ «подчищало» белоказаков, освобождённых по амнистии (гарантии безопасности, данной командующим Восточным и Туркестанским фронтами Михаилом Фрунзе противникам Советской власти, добровольно сложившим оружие). Уехал в Среднюю Азию. Переходил из одной организации в другую. Сменил фамилию на Ковалёв, чувствуя пристальную опеку чекистов.

Между тем из Благословенского доходили плохие вести: там голод. Спасаясь от голодной смерти, жена с его матерью, двумя дочерьми и сыном уехали в Коканд.

Жена устроилась рабочей на завод безалкогольных напитков. Жили впроголодь, но сын Сергей окончил механический техникум. Иван Степанович помогал семье как мог, «оберегая» её от себя. И всё-таки

в сорок первом не уберётся сам. Арест, лагерь, теперь под Карагандой. Его сын Сергей Иванович Веневцев в том же году пошёл на фронт, чтобы в сорок шестом в звании майора и с боевыми наградами вернуться «домой», в Коканд.

Второй раз в местах лишения свободы Иван Веневцев находился с октября 1941 года. Но только в феврале 1943-го, как свидетельствует архивный документ, осуждён Особым совещанием НКВД за антисоветскую агитацию без указания статьи (!) сроком на десять лет. То есть его на полтора года лишили свободы без приговора даже того закрытого заседания «тройки», которая с 1934-го по 1953 год заменяла суд.

Резкий штрих времени. В архивной карточке Карлага МВД, заведённой на И.С. Веневцева-Ковалёва, нет данных о его первой судимости, но годом рождения назван 1900-й. Сдаётся, одно зависело от другого. Не удайся Веневцеву «омолодить» себя, чтобы к началу Гражданской ходить в казачьих малолетках (17–19 лет – до принятия присяги), вряд ли мы читали бы сейчас его свидетельство об этой войне – *кровь людская в XX веке, что водица...*

Мы не знаем, как пришла Ивану Веневцеву идея написания романа. По рассказам сына, «он был живым, эрудированным. Это был настоящий казак!.. Отлично играл на гармошке, пожалуй, лучше всех в станице. Дома в зимнее время... читал вслух для всех. В доме были настольные книги: Библия, «Война и мир», «Тарас Бульба», «Тихий Дон»... Книги отец приносил из станичной библиотеки (была такая при школе), привозил из города. Организовал в станице драмкружок. В основном ставили спектакли из комедийных произведений Гоголя. Всё это в зимнее время, когда не было полевых работ. Сам и режиссёр, и артист... Клуба не было, все спектакли проводили в школе, в воскресные

дни. Народу набивалось «под завязку», хохот стоял такой, что слышно было на улице...

Ни с кем никогда не ссорился. Его уважали и называли только по имени и отчеству. И вообще, в станице наша фамилия пользовалась авторитетом, и не только мы, а все три ветви Веневцевых, которые приехали из станицы Городище... Я лично его уважал и никогда не называл на «ты», только «вы». Когда он скитался по Средней Азии, не имея возможности долго находиться на одном месте, мы с ним иногда встречались. У нас в разговоре были только шутки и смех. Он не унывал, был весёлым».

Может, как раз здесь и разгадка чуда создания романа. У его автора был народный характер, из тех, что *в огне не горят и в воде не тонут*. Словно великий романист движет рукой казачьего сына Сергея Ивановича – пишет о смехе и шутках отца, но какие душевные запасы нужно иметь для этого смеха и этих шуток!

Да, наверное, только такая личность и могла решиться на труд неведомый и неподъёмный, невозможный труд. Думаю, что для казака Ивана Веневцева это была форма сопротивления. К этому подвигает даже нечаянная метафора – перевод немецкого слова «Kraft» – сила. Именно на серо-жёлтых «железных» листах крафт-бумаги, нарезанных из мешков для цемента, писался роман о казачьем мире и казачьей войне, начатый и законченный в лагерной неволе в 1945–1947 годах. Рукопись хранится в домашнем архиве внука автора по материнской линии Сергея Фёдоровича Попова – активнейшего участника подготовки романа к изданию.

Документальную основу романа нечаянно подтвердила архивная находка оренбургского историка Владимира Геннадьевича Семёнова. Он нашёл дело Василия Веневцева, рождения 1882 года, послужившего прототипом старшего брата главного героя – Дмитрия.

Последняя запись службы: «В 20-м Оренбургском казачьем полку, младший офицер (10.1918)». Гибель брата Иван Веневцев кровью сердца напишет в романе...

В сорок шестом сын получил письмо из Караганды: «Приезжай, заberi рукопись...» Сергей Иванович смог приехать только в сорок седьмом. Отец был уже расконвоирован. Он передал сыну вторую, восстановленную по памяти рукопись, – первую в зоне украли. Сергей Иванович отвёз её в Коканд, перепечатал, чтобы показать в Москве, в Союзе писателей. Но рецензировавший рукопись литературный консультант предостерег его: «Она (рукопись – В.К.) несвоевременна, с ней наживёшь много неприятностей!» Гражданская война в умах продолжалась.

В пятидесятом Сергей Иванович решается написать Шолохову. Великий писатель ответил: «Ознакомиться с рукописью Вашего отца, к сожалению, не могу, т.к. загружен работой».

В пятьдесят первом Иван Веневцев вышел из лагерной зоны, но не из сферы внимания «вдумчивых биографов» МВД. Его оставили «на поселении» неподалёку, в посёлке Долинка. В последующие годы Иван Степанович пытался переделывать роман, убирая из него острые места, видимо, поздним страхом испугавшись за детей. Дописал страницы отступления – исхода казачьего войска в Китай.

Президиум Ферганского областного суда 9 сентября 1960 года пересмотрел дело по обвинению Веневцева Ивана Степановича. Можно лишь попытаться представить, какой музыкой освобождения прозвучали для него машинописные строки судебной справки: «Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 10 марта 1943 года отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием состава преступления. Веневцев И.С. реабилитирован».

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66